

Кризис русско-сербских отношений в конце 30-х годов XIX в.

В турецких хатт-и шерифах 1830 и 1833 гг., даровавших Сербии статус автономии в рамках Османской империи, Россия упоминалась в качестве стороны, покровительство которой стало одним из решающих факторов самого появления этих документов¹. В дальнейшем все обращения сербского князя Милоша Обреновича и членов Сербского Совета к российскому правительству постоянно содержали термины «высокий покровительствующий двор» или «покровительствующая держава». Напротив, в российских официальных документах данный термин или не употреблялся совсем, или упоминался в контексте совершённых Россией дружественных шагов по отношению к сербскому государству. Официального характера данному термину нигде в российских документах не придавалось, что не исключало, впрочем, молчаливого согласия высшего российского руководства с тем содержанием его роли в подвластных Турции славянских провинциях, которое подразумевалось данным определением. И всё же, в первую очередь, постоянное упоминание России в качестве «покровительствующей стороны» исходило от сербского правительства, которое видело в осуществлении надзора «покровительницы» за приведением в жизнь турецких обещаний определенную гарантию их исполнения. Милош Обренович, положивший много сил на признание Портой наследственных прав своей семьи, отнюдь не гнушался подобным «покровительствующим» правом со стороны России.

Начиная с 1830-х годов Англия, Франция и Австрия стали форсировать усилия по проникновению в балканские провинции Османской империи, ещё недавно малодоступные для них, с целью перехватить инициативу у более удачливой и имеющей к тому времени историческую традицию взаимоотношений

с балканскими народами России. Каждая из этих держав имела свои политические интересы в регионе и приоритетное влияние в той или иной части Османской империи. Австрия издавна боролась за присоединение соседних славянских провинций — Боснии, Сербии и Черногории. Торговые связи Австрии играли всё большую роль в завоевании экономического превосходства на территории Балканского полуострова. Авторитет английского правительства становился всё более существенным для набиравшей силы прозападной группировки турецких сановников, к тому же позиции Великобритании были устойчивы в Греции. Влияние Франции оставалось традиционно преобладающим в Египте и Дунайских княжествах.

Не следует упускать из вида тот факт, что борьба европейских держав вокруг турецкого «наследства», соперничество за преобладающее влияние в той или иной части Османской империи и на турецкое правительство в целом имели в своей основе претензии европейских стран на господствующее положение в регионе Черноморских проливов. Важность обладания «ключами» от Босфора и Дарданелл была очевидной. Оно обеспечивало контроль над важнейшим морским и сухопутным путем на Ближний Восток и далее — в Индию. Оно предоставляло доминирующее положение в Средиземноморье, включая Черное море, имевшее исключительно важное значение как для экономики, так и для обороноспособности России. Ее экономическая и военная независимость в случае проникновения сюда европейских держав была бы серьезно нарушена². Проблема обладания Проливами являлась одной из важнейших составных частей Восточного вопроса в целом; судьба Османской империи рассматривалась западноевропейскими политиками с учетом решения этого важнейшего его аспекта.

После победоносной для России войны 1828–1829 гг. престиж «покровительствующей державы» в Сербии значительно вырос. Однако сербские старейшины открыто говорили о том, что Россия могла бы поспособствовать достижению больших свобод для Княжества. Сербские власти отнюдь не отказывались от русской помощи и поддержки — в данный исторический момент она была наиболее привлекательной как для получения реальной

помощи в налаживании административно-хозяйственной жизни страны, для разработки свода законов, так и в практической деятельности военных и промышленных специалистов. Сама логика развития событий подсказывала, что развитие государственности на Балканах в значительной степени будет зависеть от складывающихся русско-южнославянских отношений и той поддержки, которую новые национальные объединения получают от России.

Всё изменилось после того, как в Сербии стал обсуждаться вопрос о принятии Устава — сербской конституции. Формально уставобранители, т.е. «защитники Устава», представляющие интересы новой сербской буржуазии, оппозиционной князю, пришли к власти со сменой правящей династии. Реально же новый режим вызревал в недрах старого общества и подготавливался всем ходом социального и политического развития Сербии на протяжении 30-х годов XIX в. Борьба за Устав, а еще раньше — за хатт-и шерифы 1830 и 1833 гг., провозглашавшие не только независимость Сербии от Турции во внутренних делах, но и содержавшие регламентацию социально-политической жизни Княжества, явилась этапом подготовки введения нового режима в стране. Оппозиционное движение, оформившееся внутри высшего руководства Сербского княжества и направленное против авторитарной власти Милоша Обреновича, существовало на протяжении всех предыдущих лет его правления. К числу оппозиционеров принадлежали крупные чиновники, землевладельцы и торговцы, которым авторитарная власть князя не позволяла занять ключевые государственные должности в Сербии. Требование утверждения гражданского и уголовного законодательства переросло в требование принятия конституционного акта — Устава, определявшего весь характер политической и экономической жизни в стране. К сербской знати, которая выступала за принятие такого закона, принадлежали такие влиятельные государственные деятели, как Авраам Петрониевич, Тома Вучич Перишич, Стоян Симиц, а также брат Милоша Ефрем Обренович.

Российская правящая элита с самого начала резко отрицательно отнеслась к идее принятия в Сербии такого законодательства, которое хотя бы отдаленно напоминало либеральные конституции Франции и Бельгии. «Ваше превосходительство изволило

признать... неосновательными некоторые статьи, помещенные в Уставе нашем, — писал Милош российскому посланнику. — Мне тоже не нравились тогда — они и теперь не нравятся — некоторые статьи оного. Но во удовлетворение тех обстоятельств, я должен был согласиться тогда на всё»³. Милош заранее знал о нерасположении российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева к поспешно принятому Уставу. Еще раньше агент Милоша М. Герман сообщал князю о том негодовании, которое вызвала у дипломата весть об этом событии. В апреле 1835 г., уже после отмены Устава, Бутенев сам выразил полную поддержку действиям Милоша. Он не скрывал своего резко отрицательного отношения к документу и советовал вместо него подготовить новый закон, учитывающий все необходимые преобразования. «Устав... по моему мнению, — писал посланник, — столь противен началам, на коих основано существование сербского народа, что я даже не решился приступить к подробному рассмотрению оного... паче не мог помыслить представить оный на утверждение императорского министерства»⁴.

Австрийское руководство также было крайне встревожено новостями из Сербии. Политические перемены в жизни Княжества грозили появлением требований подобных же преобразований со стороны австрийских подданных-сербов. Заинтересованность австрийских властей в сохранении status quo в Сербии соответствовала стремлению российского правительства к совместному противодействию конституционным преобразованиям в Княжестве. Изменения там должны были ограничиться административной реформой. Бутенев советовал из Константинополя приняться, прежде всего, за реформы судопроизводства, сбора налогов, торговли и промышленности, школ и училищ⁵. Сербский князь соглашался с этими советами, но более всего был доволен тем, что Бутенев отверг Устав: «Утешительно было для меня видеть, что ваше превосходительство выхваляет приостановку Устава нашего», — писал он посланнику в апреле 1835 г. Милош был настолько воодушевлен поддержкой русского двора, что намеревался направить в Петербург благодарственную делегацию, однако это предложение было в вежливой форме отклонено К.В. Нессельроде⁶.

Принятый на Сретенской скупщине в феврале 1835 г. Устав не был претворен в жизнь. Милош отменил его через полтора месяца, воспользовавшись тем, что ни Порты, ни российское правительство не поддержали идею о введении в Сербии «конституции». Сербский князь еще раз доказал свое уже известное умение угодить всем, соблюдая, в первую очередь, собственные интересы. Тем более, что почти все члены основанного по Уставу Совета принадлежали к лагерю, оппозиционному княжеской власти. Однако, несмотря на желание Милоша окончательно «закрыть» вопрос об Уставе, сделать этого ему не удалось. Оппозиция активно разрабатывала новый проект, отказаться от которого Милош не сумел.

Составлять новый вариант документа было поручено С. Радичевичу, а Милош должен был контролировать его работу и корректировать те положения, которые его не устраивали. По этому проекту вся власть в Княжестве должна была сосредотачиваться в руках князя, а автономное положение Сербии гарантироваться пятью великими державами⁷. Это условие явилось совершенно новым обстоятельством, свидетельствовавшим о том, что внешнеполитическая ориентация сербской буржуазии изменилась кардинальным образом, поскольку упоминание о России, как о единственной «покровительнице» Сербии, в проекте полностью отсутствовало. Российские правящие круги не могли скрыть своего недовольства. Сербская историография отмечает, что этот вопрос вызвал такую заинтересованность Петербурга, словно речь шла не о турецкой, а о русской провинции⁸.

С целью оказать влияние на внутривнутриполитическую обстановку в Сербии в Белград был послан генеральный консул в Бухаресте П.И. Рикман. Он должен был убедить сербское руководство в том, что Княжество не является самостоятельным государством и должно больше прислушиваться к советам России. «Он хочет, чтобы всё осталось по-старому. Старого нет», — так выразительно охарактеризовал свое отношение к миссии Рикмана соратник Милоша Й. Живанович. Вполне справедливым выглядит положение современного сербского историка Р. Люшича о том, что вопрос сербского Устава перерос из внутренней проблемы в международную. Самое непосредственное участие в ее реше-

нии приняли Россия, Англия, Австрия и Турция. По мнению другого сербского историка В. Поповича, именно последующее подписание Великобританией к борьбе за преобладающее влияние в Сербии вывело Княжество из «узких» рамок русско-турецко-австрийского круга и ввело в большую европейскую политику⁹. С этим утверждением можно согласиться, если принять во внимание, что позиция Англии была противоположна интересам России, Австрии и Турции и предоставляла сербскому князю некоторый выбор внешнеполитической ориентации.

К 1837 г. относится активизация политики Великобритании в Сербии. Английское консульство в Белграде, как и австрийское, было открыто под предлогом необходимости защиты интересов торговли. Надуманность этого объяснения была очевидна самим английским политикам. Британский посол в Вене Ф. Лэм высказывался на этот счет вполне откровенно: «Без прямых интересов в Сербии, без точек соприкосновения с ней — какую помощь мы можем ей оказать? Если она будет рассчитывать на нас в час нужды, мы наверняка разочаруем её»¹⁰. Несмотря на то, что в 1838 г. был заключен англо-турецкий торговый договор и английские товары занимали всё большее место в турецком импорте, непосредственно к Сербии это не имело никакого отношения — торговли с Англией Княжество не вело. Более того, в Лондоне не представляли реального политического, социального и экономического положения этой провинции Османской империи. К тому же, не собственно Сербия являлась предметом интереса для Великобритании — по мнению английских политиков, Княжество должно было стать «барьером против дальнейшего продвижения России в европейских провинциях Турции»¹¹.

С прибытием в Белград английского консула Георга Ходжеса было серьезно нарушено русско-сербское сотрудничество. Милош Обренович нашел в лице англичанина единомышленника: Ходжес выступил и против Устава, и против оппозиции, поддерживав авторитарные устремления князя. Более того, вскоре после приезда консула в Белград Милош заявил ему о своем решении поставить вопрос о замене русского покровительства на коллективную гарантию политического положения Сербии всеми великими державами¹². Но, вероятно, это предложение показалось

слишком смелым даже для английского представителя, поскольку требовало пересмотра многих заключенных ранее международных актов, в которых прямо указывалось на покровительство России над Сербией. Объективная политическая обстановка на Балканах также не способствовала проведению в жизнь этого предложения. По крайней мере этот тезис не нашел своего развития в других документах, хотя и красноречиво свидетельствовал о кризисе, назревшем в русско-сербских отношениях к этому времени.

Итак, с 1837 г. Милош уже больше прислушивался к советам английского представителя. Прибывший в Белград российский консул Г.В. Ващенко свидетельствовал о том, что Обренович близок с Ходжесом, а присутствие русского агента в Сербии «противно» князю¹³. Более того, сообщал в Петербург Ващенко, Милош мечтает о политической независимости для Сербии и в этом он также находит поддержку Ходжеса¹⁴. Безусловно, речь не могла идти о подлинной независимости Княжества, а лишь о «независимости» от русского влияния в нем. Милош чудит, продолжал Ващенко, открыто говорит о нелюбви к России, а в Святую неделю 1838 г., приняв поздравления представителей Англии и Франции, отказал в приеме российскому консулу¹⁵.

На самом деле, Милош уже давно был недоволен вмешательством России во внутреннюю политику Княжества. Полностью признавая заслуги русской дипломатии в достижении Сербией политического статуса автономной провинции Османской империи, он начал тяготиться чрезмерной опекой высокой покровительницы. При этом ему приходилось прибегать к завуалированной критике действий России. Так, еще летом 1836 г. князь переслал в Константинополь А.П. Бутеневу письмо, якобы перехваченное им у сербского представителя при Порте (так называемого капукегая) Антича к А. Петрониевичу. В этом письме Антич высказывает свои сомнения по поводу правомерности вмешательства в дела Княжества некой «северной миссии». «Прошли уже те времена, — пишет Антич, — когда князь наш слушал каждого и по совету других и чужих выбирал в лесах сербских для зданий своих и своих потомков строевой лес. Миссия северная в глазах моих то, что и прочие люди, разумом одаренные... в ней нет ничего сверхъестественного»¹⁶. «Дерзость», с которой написано это

письмо, послужила, якобы, причиной отзыва Антича с его поста в Константинополе. В действительности, радикализм сербского представителя при Порте был неугоден, прежде всего, самому Милошу, поскольку Антич являлся активным членом оппозиции и, находясь в турецкой столице, был лучше других осведомлен о политической жизни страны и мог быть легко вовлечен в интриги посольского корпуса.

Между тем русско-сербские отношения заметно портились. Ходжес уверял Милоша в том, что он «может управлять Сербиею по собственному благорассуждению», не допуская ни малейшего вмешательства в дела свои со стороны России¹⁷. Князь не скрывал своего нежелания встречаться с представителем державы-покровительницы. Само право России на оказание покровительства было поставлено под сомнение. В ответ на упреки российского консула в оказании предпочтительного внимания англичанам, Милош объявил себя «вполне свободным иметь таковые (отношения. — *Е. К.*) не только с англичанами, но и с французами, австрийцами и всяким другим иноземным государством»¹⁸. Князь, безусловно, был введен в заблуждение утверждением Ходжеса о готовности Англии «защищать Милоша до последней капли крови».

Все этапы постепенного расхождения интересов Милоша Обреновича и российской дипломатии в Сербии отчетливо просматриваются при изучении переписки первого российского консула в Белграде Г.В. Ващенко с Петербургом и миссией в Константинополе. Будучи подотчетным как Азиатскому департаменту МИД, так и российскому посланнику в турецкой столице, Ващенко направлял туда свои пространные депеши с детальным изложением всех происходивших в Сербии событий, общественных настроений и бесед с князем Милошем и членами Совета. В результате изучения этой переписки вырисовывается достаточно четкая картина политических настроений в сербском обществе, обострения борьбы князя с движением уставобранителей и рост ярко выраженной антипатии ко всему, исходящему от российской стороны. Вопрос о принятии нового, так называемого «турецкого» Устава стал лакмусовой бумажкой в оценке русско-сербских политических отношений конца 1830-х годов.

Вопрос о лишении князя ряда принадлежавших ему прерогатив власти стал центральным во внутривосточной жизни Сербии. «Старейшины громогласно настаивают на необходимости писанного закона, который, если он будет дан при содействии России, должен будет, конечно, оградить власть» князя в пользу Совета¹⁹. Это заключение Ващенко сделал еще до прибытия в Белград, а наблюдая за событиями в Сербии с австрийской стороны Дуная — из Орсовы, где прежде служил консулом. Члены Совета обращались к нему с просьбой хлопотать перед российским МИД о скорейшем назначении в Белград российского дипломатического представителя, без которого «Сербия не может иметь ни порядка, ни благосостояния»²⁰.

И это произошло уже вскоре — 10 февраля 1838 г. Ващенко прибыл в Белград в качестве консула Российской империи. Если раньше Милош несколько раз обращался к российскому правительству с просьбой назначить в Сербию дипломата, который был бы первым советчиком для князя и народа, то с приездом долгожданного представителя покровительствующей державы ситуация изменилась. Ващенко не дождался радушного приема. Милош не скрывал, что ему крайне неприятно видеть в Сербии российского консула, и даже заявил, что «правительство России тиранит его»²¹. В своем донесении константинопольскому посланнику Ващенко писал ещё определеннее: сербский князь «чуждается России» и делает всё, чтобы отклонить от Сербии влияние императорского двора. «Ни советы мои, ни доводы, ни представления о собственной пользе его и его семейства, ничто, одним словом, более на него не действует», — докладывал дипломат²².

«Князь Милош иногда до неприличия увлекается чувством нерасположения своего к России», — писал консул в Азиатский департамент 9 апреля 1838 г. На Пасху князь принял английского и австрийского представителей в первый день праздника, а своего единовеца Ващенко — только на второй²³. Доходило до курьезов — в церкви Милош принялся топтать ногами шинель Ц. Райовича только потому, что она была сшита в Петербурге: его ненависть распространялась даже на вещи, если они носили название русских. «Вот каков между тем человек, управляющий, к несчастью, добрым народом сербским», — продолжает Ващен-

ко. — Властолюбив, корыстолюбец, жестокосердный грабитель, мстительный, завистливый, притворный, не терпящий никакого согласия, худой правитель и худой муж и отец семейства»²⁴.

Не складывались отношения сербского князя и с членами Совета. В сентябре 1838 г. Совет обратился к российскому посланнику в Константинополе с жалобой на Милоша, в которой говорилось, что и принесенная им присяга Совету в 1835 г., и обещания князю В.А. Долгорукому, присутствовавшему при этом, и обязательства перед российским императором — «всё попрано князем Милошем». По мнению членов Совета, Россия в праве и должна восстановить законный порядок в Сербии²⁵. Своим депутатам, находившимся в Константинополе, Милош наказывал не общаться с российскими представителями, но установить связи с французским и английским послами при Порте²⁶. Ориентация сербского князя на европейские державы становилась всё более очевидной. Особенной доверенностью Милоша по-прежнему пользовался английский консул в Белграде Ходжес. Англичанин уверял князя в том, что Англия сможет поспособствовать Сербии в приобретении полной независимости с расширением ее границ в направлении Боснии и Болгарии²⁷. Он же уверял Милоша, что Россия будет вынуждена покинуть свое место в Сербии под военным нажимом Англии и Франции²⁸. Эти ложные обещания принимались сербской стороной с доверием и служили руководством к действию. Не упускал из вида Милош и соседнюю Австрию. Он обратился к К. Меттерниху с просьбой пожаловать ему баронское достоинство. На это австрийский канцлер отвечал, что готов произвести Милоша не только в бароны, но и в графы или в герцоги, но для этого требуется более «благоприятное время»²⁹. Венский двор явно не собирался конкурировать с российским, оспаривая влияние в Сербии.

Великобритания же была настроена более решительно. Правда, английский консул быстро охладил надежды Милоша на независимость, посоветовав ему, по поручению английского посла в Константинополе лорда Понсонби, написать Порте письмо с выражением полной покорности и просьбой «оградить от чужого вмешательства в дела Сербии»³⁰. Подразумевалось, что вмешательство Англии «чужим» не является.

Русско-английское соперничество на Балканах как в капле воды отразилось на взаимоотношениях двух великих держав в Сербии. Интересы Великобритании простирались, конечно, более широко — на весь ближневосточный регион, но Османской империи отводилось в планах Лондона первостепенное место. Балканы и Малая Азия рассматривались сент-джеймским кабинетом как обширная территория для расширения британской торговли, а также в качестве транзитных путей в Среднюю Азию, Закавказье и далее — в Индию. Черноморским проливам уделялось особое внимание — от режима прохождения судов, закрепленного международными договорами, напрямую зависели планы политического и экономического преобладания Великобритании в Средиземноморском и Черноморском регионе. Вниманием не были обделены и балканские владения Порты. На активную торговлю с балканскими народами Лондон, конечно, не рассчитывал, но усилить здесь свое политическое присутствие намеревался.

Немалую роль в этом стремлении играло и то, что Балканы входили в сферу геополитических интересов России, именно здесь было сосредоточено православное население Турции, на которое Русская церковь имела огромное влияние. Укрепление России на Черном море, особенно очевидное после присоединения Крыма, основания г. Одессы и начала строительства русского флота, не могло не тревожить английских политиков, видевших в ней серьезного конкурента. Успешные русско-турецкие войны, завершившиеся выгодными для российской стороны трактатами по режиму Черноморских проливов, оспаривались английской стороной. Еще в 1809 г. Англия поспешила заключить с Османской империей торговый договор, который давал преимущества английской торговле и был крайне невыгоден для Турции. Затем последовал торговый договор 1838 г., поставивший турецкую торговлю в неравноправное положение с английской. Великобритания любыми способами стремилась укрепиться в регионе и препятствовать любым русско-турецким договоренностям, которые заключались бы в двустороннем формате, без участия европейских держав. В Лондоне прекрасно понимали, что для Петербурга Балканы — и в частности Сербия — являлись своеоб-

разным «ключом» к Адриатическому и Средиземному морям, — а значит, Россия вполне могла бы вскоре составить конкуренцию Англии в этом традиционно «английском» регионе влияния. Тем более, что примеры совместного военного содружества русского флота с народами Балкан уже бывали в недавнем прошлом³¹.

Все эти геополитические планы великих держав имели прямое влияние на обстановку внутри Сербского княжества. Безусловно, они обрастали некоторыми легендами, трактуясь сербским руководством в меру разумения, а иногда — и желания. Немалую роль играла и английская пропаганда. Ходжес прямо уверял Милоша в том, что Англия и Франция готовы объявить России войну и принудить ее «отнять руку свою от Сербии»³². Английский консул пытался убедить Милоша в том, что тот совершенно свободен в выборе внутренней политики, поскольку «покровительство России относится только до внешнего сохранения состава границ», которые подтверждаются условиями трактатов и хатт-и шерифов. Но всё, что касается власти Милоша в Сербии, он может защищать «вооруженною рукою» или, как говорится в донесении Ващенко, отправиться в Лондон для просьбы о заступничестве³³. Приверженцы английской партии утверждали, что русская политика направлена на то, «чтобы Сербию... получить в свою собственность», после чего та же судьба ждет Боснию, Герцеговину, Албанию и Черногорию. Всё это приведет к тому, что «русская нога» окажется на Адриатическом море, и эти планы России весьма хорошо известны Англии и Франции. Следует признать, что в данных сообщениях, перехваченных Ващенко у членов сербского Совета, хотя и в примитивной форме, но весьма верно изложена геополитическая расстановка международных сил на Балканах.

По-существу, англичане вынуждены были признать поражение своей политики в Сербии: дело клонилось к принятию Устава, против которого Ходжес вел подрывную работу. Осенью 1838 г. посол Великобритании в Турции лорд Понсонби докладывал в Форин оффис о том, что Порта признаёт влияние России в Сербии. Показательно, что этот расклад политических сил вполне осознавали в Лондоне. Министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон был вынужден направить Ходжесу следующие

инструкции: «Всем очевидно, что географическое положение Сербии позволяет Великобритании оказать активную и эффективную помощь его светлости (Милошу. — *Е. К.*) лишь путем объявления войны России. Не следует, однако, ожидать, что Англия ввяжется в войну с Россией только по вопросу о Сербии»³⁴.

Перед присылкой в Сербию нового, «турецкого» Устава обстановка в Княжестве накалялась. Милош начал метаться между Россией и Великобританией. То он клялся российскому консулу «быть вперед искренне преданным России» и отправить своих сыновей на учебу в Одессу³⁵, то спустя четыре дня заявил, что не хочет, «чтобы русские в правление наше вмешивались», и решил послать сыновей учиться в Лейпциг³⁶. По Белграду начали распространяться «подметные письма», так называемые «Воззвания к сербам», в которых Милош объявлялся врагом нации, попытавшимся «отторгнуть Сербию от покровительства русского царя и христианского народа русского». «На что нам англичане?» — спрашивалось в «Воззваниях», только Россия упоминала о Сербии в международных трактатах, с которыми была вынуждена считаться Порты. Если Милош с англичанами продолжал бы свои интриги, то сербы «пропали совсем»³⁷.

Общий разброд мнений грозился вылиться в вооруженное сопротивление. Неприятие будущих перемен толкнуло сербского князя на организацию восстания в Крагуевце, направленного, якобы, в защиту власти Милоша и против Совета. Восстание было быстро локализовано, и все принявшие в нем участие, кроме зачинщиков, были распущены по домам³⁸. Страх Милоша перед грядущими переменами перерастал в паническое состояние. С января 1839 г., когда в Сербии ждали прибытия турецких уполномоченных с текстом Устава, Милош начал готовиться к побегу из Сербии. Он распространил слухи о том, что намерен вместе с княгиней Любицей и сыновьями выехать в Валахию, а затем в Одессу. Там он, якобы, хотел оставить сыновей в учебном учреждении и продолжить путь в Петербург для получения «наставлений» от Николая I³⁹. Ващенко справедливо оценивал эти намерения как «утопические», не веря ни единому слову Милоша. Было ясно, что князь готовит побег из Сербии, что вскоре и подтвердилось.

19 февраля состоялось торжественное чтение привезенного в Белград Устава. Князь обещал исполнять его «в точности». На следующий день Милош утвердил 17 членов Совета и трех директоров департаментов: внутренних дел, правосудия и финансов. Сам же повторил свое намерение уехать в Валахию, а затем в Петербург. 27 апреля было опубликовано «Устроение Совета Княжества Сербского», в котором были детально изложены прерогативы князя и Совета. В тот же день российский консул узнал о том, что Милош спешно удалился в Землин (на австрийской стороне Дуная), остался там на карантине и выслал посыльного с известием, что не намерен возвращаться в Сербию. Одновременно он обратился к Порте с жалобой, в которой говорилось, что выбранный Совет не сербский, а русский, поскольку его членами стали Вучич, Симич и Ефрем Обренович — т.е. приверженцы российской партии⁴⁰. И хотя спустя некоторое время Милош принял решение вернуться в Белград, Ващенко считал, что удаление князя из Сербии было бы лучшим вариантом для сохранения стабильности в Княжестве. Тем более, что метания князя продолжались — он замыслил побег в Австрию, велел нанять лодку для переправы в Землин. Ващенко, не скрывая своего отношения к происходящему, открыто советовал ему «на время выехать из Сербии».

Наконец, 1 июня 1839 г. последовало отречение Милоша. Ващенко отреагировал следующим образом: князь, по мнению российского представителя, в «первый раз поступил благоразумно», и это послужит для будущего спокойствия Сербии. «Милош, потеряв последнюю надежду на доверие и приверженность народа своего, не может более безопасно оставаться в Сербии», — докладывал консул в Петербург⁴¹. Еще в конце мая раздавались голоса членов Совета с требованием предоставления Милошем подробного отчета о расходовании государственных средств. Это требование, безусловно, послужило одной из причин поспешного бегства князя. 15 июня, уже в его отсутствие, последовало «Представление депутатов народа Сербского», поданное на скупщине, в котором указывалось о необходимости предоставления финансового отчета князя за годы его княжения и подразумевалось взыскание его собственности в случае обнаруженных недостатков

в казне. Конечно, всё это грозило Милошу серьезными осложнениями в том случае, если бы он еще находился в Сербии, и именно этих публичных отчетов он стремился избежать. Милош уехал в Валахию, ссылаясь на наличие там своего имения, но затем быстро перебрался Вену, где купил дом за 70 тыс. гульденов, намереваясь «остаться навсегда на жительство в Австрии». Однако и этого намерения он не осуществил.

Даже приняв решение об отречении от власти, Милош не преминул сделать это в оскорбительной для России форме. Не смея полностью проигнорировать российскую сторону в столь важном для него шаге, он не нашел нужным поставить свой росчерк на документе, посланном в российское посольство. Это намерение досадить небрежностью было столь очевидно, что не могло не обратить на себя внимания чиновников в Петербурге. На письме, пересланном в российский МИД из Константинополя, стоит карандашная помета, сделанная уже там: «Это письмо не подписано намеренно»⁴². Укол русскому самолюбию — последнее, что совершил Милош на своем посту, покидая его.

Русско-сербские отношения в 1830-х годах претерпели целый ряд трансформаций, связанных с развитием сербской государственности, вмешательством европейских держав во внутреннюю жизнь Княжества, а также с теми процессами внутривластной жизни сербского общества, которые вели к распространению либерально-демократических идей и построению новых органов власти. Князь Милош не мог отказаться от единственно возможного для него авторитарного способа правления, который не устраивал активно действовавшую оппозицию, намеревавшуюся принять участие в управлении страной. Вмешательство Англии, противодействовавшей русскому влиянию и поначалу сильно пошатнувшее русско-сербское взаимодействие, не получило никакой перспективы, поскольку «игра» англичан на стороне князя оказалась в данной ситуации проигрышной.

Кризис русско-сербских отношений был напрямую связан и с вопросом утверждения сербского Устава. Противодействуя принятию любых «конституций» — а именно так восприняли Устав в России — петербургские власти пытались сохранить свое влияние в Княжестве, не допуская развития Сербии по либераль-

ному пути. Сплетение внутрисербских и европейских интересов привело к развитию «сербского кризиса», разразившегося в начале 1840-х годов, разрешение которого также потребовало вмешательства внешних сил. Но сам факт сложившихся крайне негативных отношений между «покровительствующей» державой и Сербией, которые наблюдались во второй половине 1830-х годов, явился достаточно непредсказуемым результатом всего предшествовавшего развития контактов между Россией и Княжеством. Российские власти еще рассчитывали на авторитет своего влияния в Сербии в то время, когда Милош уже отчетливо понимал, что «покровительница» не заинтересована в упрочении его власти, а оппозиционные силы искали поддержки западных держав. Новый кризис начала 1840-х годов потребовал от российских властей переосмысления своей политики в Сербии, заставив с большим вниманием отнестись к тем процессам, которые развивались в сербском обществе.

Примечания

- ¹ См.: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Београд, 1912.
- ² См.: Россия и Черноморские проливы. М.: Международные отношения, 1999.
- ³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 1/517. Д. 2677. 1834. Л. 15 об. Милош Обренович — А.П. Бутеневу. 13 марта 1835 г.
- ⁴ Там же. Ф. Канцелярия. Д. 48. Л. 174–175. А.П. Бутенев — Милошу Обреновичу. 9 апреля 1835 г.
- ⁵ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2677. Л. 19 об. Милош Обренович — А.П. Бутеневу. 18 апреля 1835 г.
- ⁶ Там же. Л. 23. Милош Обренович — К.В. Несельроде. Апрель 1835 г.
- ⁷ *Льушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 152.
- ⁸ Там же. С. 155.
- ⁹ *Поповић В.* Метернихова политика на Блиском Истоку. Београд, 1931.
- ¹⁰ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985. С. 168.
- ¹¹ *Pavlowitch S.K.* Anglo-rassian rivelry in Serbia. 1837–1839. The mission of colonel Hodges. Paris, 1961. P. 166.
- ¹² *Достян И.С.* К вопросу об англо-русском соперничестве в сербском княжестве в 30-е годы XIX в. // Советское славяноведение. 1966. №6. С. 24.
- ¹³ АВПРИ. Ф. СПб ГА 1–9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 1 (1837–1843). Л. 109–113 с об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 16 февраля 1838 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 107.
- ¹⁵ Там же. Л. 152 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 9 апреля 1838 г.

- ¹⁶ *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40-х гг. XIX века. М: ИРИ РАН, 2002. С. 66.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2685. Л. 8. Г.В. Ващенко — А.П. Бутеневу 5 октября 1838 г.
- ¹⁸ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Оп. 8. Д.6. (ч. I). Л. 2. Г.В. Ващенко — К.К. Родофиникину. 21 апреля 1837 г.
- ²⁰ Там же. Л. 70. Письмо сербского Совета — Г.В. Ващенко. 21 декабря 1837 г.
- ²¹ Там же. Л. 109 об. Г.В. Ващенко — в МИД. 16 февраля 1838 г.
- ²² Там же. Л. 122 об. Г.В. Ващенко — П.И. Рикману. 20 марта 1838 г.
- ²³ Там же. Л. 152–153. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 9 апреля 1838 г.
- ²⁴ Там же. Л. 127 об. Г.В. Ващенко — П.И. Рикману. 20 марта 1838 г.
- ²⁵ Там же. Л. 244 об.–246. Жалоба членов Совета в российское посольство. 26 сентября 1838 г.
- ²⁶ Там же. Л. 195. Милош Обренович — сербским депутатам. 15 июня 1838 г.
- ²⁷ Там же. Л. 107. Г.В. Ващенко — в МИД. 16 февраля 1838 г.
- ²⁸ Там же. Л. 103 об. Ефрем Обренович и Тома Вучич — Г.В. Ващенко. 21 декабря 1837 г.
- ²⁹ Там же. Л. 2. Г.В. Ващенко — К.К. Родофиникину. 21 апреля 1837 г.
- ³⁰ Там же. Л. 26 об. Г.В. Ващенко — П.И. Рикману. 20 марта 1838 г.
- ³¹ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы. С. 5.
- ³² АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Оп. 8. Д. 6. (ч. I). Л. 103. Ефрем Обренович и Тома Вучич — Г.В. Ващенко. 21 декабря 1837 г.
- ³³ Там же. Л. 258. Г.В. Ващенко — А.П. Бутеневу. 22 октября 1838 г.
- ³⁴ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы. С. 169.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Оп. 8. Д. 6. (ч. I). Л. 188. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 14 июня 1838 г.
- ³⁶ Там же. Л. 202 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 18 июня 1838 г.
- ³⁷ Там же. Л. 275 об. Воззвание Серба к Сербам.
- ³⁸ Там же. Л. 439. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 4 мая 1839 г.
- ³⁹ Там же. Л. 328. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 31 января 1839 г.
- ⁴⁰ Там же. Л. 407 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 27 апреля 1839 г.
- ⁴¹ Там же. Л. 461 об. Г.В. Ващенко — в Азиатский департамент. 5 июня 1839 г.
- ⁴² Там же. Д. 2687. Л. 21. Милош Обренович — А.П. Бутеневу. 2 июня 1839 г.